
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

М. А. МАСЛИН

Н. П. ОГАРЕВ: ОТ ПОКЛОНЕНИЯ К ЗАБВЕНИЮ

Статья посвящена 200-летию со дня рождения Николая Платоновича Огарева (1813–1877), выдающегося деятеля освободительного движения, поэта и мыслителя. Автор ставит вопрос о необходимости создания аутентичного образа наследия Огарева, не искаженного предубеждениями догматического марксизма.

Ключевые слова: русская философия, освободительное движение, русский романтизм, русское Просвещение, философское пробуждение.

На 2011–2013 гг. приходится череда юбилейных дат, связанных с памятью о видных представителях отечественной мысли, вошедших в пантеон освободительного движения. В 2011 г. состоялся 200-летний юбилей В. Г. Белинского, в 2012 г. исполнилось 200 лет со дня рождения А. И. Герцена, а между ними, в 2013 г., – двухсотлетие Н. П. Огарева.

Эти имена стали символами освободительного движения в том его исторически-первоначальном смысле, который связан с главным событием русской истории XIX в., провозглашенным «Положениями 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Однако эти юбилеи остались едва замеченными (если не сказать – проигнорированными) современным российским общественным сознанием.

Как известно, 90-е годы прошли под знаком радикальной деидеологизации (на самом деле продвижения различных вариантов антикоммунистической идеологии). Идеи и учения, так или иначе связанные с обоснованием социализма, в том числе идеи В. Г. Белинского, А. И. Герцена и Н. П. Огарева, прошли путь от «поклонения к забвению», стали неупоминаемыми. Но в школьных и ву-

Философия и общество, № 3 2014 141–152

зовских программах, внешне свободных от идеологизирования, на самом деле присутствуют идеологические зерна. Их можно назвать прагматическими и либеральными. Реформаторы образования хотели оторваться от советского прошлого (где с образованием было отнюдь не плохо), а на деле лишь усугубили разрыв с великой русской традицией. В этой связи уместно вспомнить известное изречение А. А. Зиновьева: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». Для русского освободительного движения были традиционно свойственны идеи «долга перед народом», сочувствия «униженным и оскорбленным», жалостливости и сострадания, защиты угнетенного большинства, названные Н. А. Бердяевым «почти святыми». Ныне они оказались вытесненными идеями индивидуализма, личного успеха, конкурентоспособности, защиты прав и свобод отдельного человека – идеями, несовместимыми с самим альтруистическим и антииндивидуалистическим духом отечественного освободительного движения.

Несмотря на декларированную деидеологизированность, нынешняя либеральная версия оценки русского освободительного движения отличается выраженной партийностью, как и советская. Последняя была сконструирована на основе работ В. И. Ленина и по своей сути принципиально отличалась от изначальной, созданной русской общественностью XIX в. Согласно советской версии самым подлинным и победоносным освободительным движением следовало считать лишь его пролетарскую форму, а «допролетарские» разновидности освободительного движения следовало рассматривать лишь как прелюдию к будущей «непобедимой классовой борьбе пролетариата». Хотя, понятное дело, пролетарские революционеры никакого отношения к освобождению крестьян не имели, но, напротив, имели прямое отношение к раскрестьяниванию России и уничтожению русского крестьянства как класса. Соответственно «допролетарские» персоналии в такой исковерканной версии освободительного движения рассматривались не как живые и непосредственные участники этого движения, но как выразители непреодолимых исторических схем и тенденций, как «штурманы грядущей бури» и «предшественники научного социализма в России».

Кто же был действительным историческим участником процесса крестьянского освобождения? Как писал известный исследова-

тель крестьянской реформы А. А. Корнилов, «...это были все те же Самарины, Кошелевы, Черкасские, Унковские, Головачевы, которые дали ход известным идеям и планам в дворянской среде сперва в виде рукописных записок, затем в виде речей и письменных мнений и заявлений в губернских комитетах»¹. «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева был рупором взглядов этих истинных деятелей освободительного движения. Тот же историк, например, отмечает тождество программы «Колокола» и А. М. Унковского, хотя ни в какой переписке с ним издатели «Колокола» не состояли. Отсюда следует, что «Колокол», несомненно, оказал сильное влияние на ход освобождения крестьян.

Но из этого также следует, что советская концепция «революционного демократизма» Герцена и Огарева, основанная на работах Ленина, подлежит пересмотру, особенно в той части ленинской оценки, которая характеризует эту революционность как форму перехода к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата. Но мог ли тот, кого Ленин назвал «революционным демократом», обратиться 18 февраля 1858 г. к российскому императору Александру II Освободителю со словами: «Ты победил, Галилеянин»?² (Согласно преданию, с такими словами умер император Рима Юлиан Отступник, преследовавший христианство.) Герцен оценил царя-освободителя как «мощного деятеля, открывающего новую эру для России». Далее приведу редко цитируемое в советское время высказывание: «Имя Александра II отныне принадлежит истории... Начало освобождения крестьян сделано *им*, грядущие поколения этого не забудут»³. Накануне крестьянской реформы к образу Петра Великого, царя-реформатора, обращается и Огарев, который пишет в «Колоколе» следующие строки: «Да! В наше время Петр Великий с неутомимой деятельностью и гениальной быстротою уничтожил бы крепостное право, преобразовал бы чиновничество и возвысил бы значение науки. Тогда бы Россия отдохнула и ожила к новой, великой умственной и промышленной деятельности, и правительство блистательно стало бы в уровень

¹ Корнилов А. А. Крестьянская реформа. – СПб., 1905. – С. 118.

² Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М., 1958. – Т. XIII. – С. 195.

³ Там же. – С. 196.

с современной задачей русского развития»⁴. Эти слова русского мыслителя, особенно о необходимости «преобразования чиновничества» и «возвышения значения науки», нисколько не утратили своей актуальности.

Революционно-демократические схемы рассеялись, как миражи, на протяжении жизни всего лишь одного постсоветского поколения. Но, к сожалению, Огарев сегодня не стал «героем нашего времени» подобно ряду других русских мыслителей – истинных идейных лидеров освободительного движения. До сих пор не издан полный корпус сочинений Николая Платоновича Огарева. В этом ему повезло гораздо меньше, чем Герцену, который имеет хотя и неполное, но все же 30-томное собрание сочинений. На исходе советского времени в 96-м томе «Литературного наследства» состояние изучения наследия Огарева оценивалось следующим образом: «...наследие Огарева, состав и история его документов, рукописей, писем, а еще более – писем, обращенных к нему, исследованы в несравненно меньшей степени, чем Герцена: ведь нет не только собрания его сочинений, но и полного издания его писем»⁵.

Актуальной задачей современного огаревоведения является создание аутентичного, не искаженного штампами и предубеждениями догматизированного марксизма интеллектуального портрета Николая Платоновича Огарева. В наше время, как известно, идет определенная работа по искоренению памяти о революционерах-террористах, чьи имена были в свое время увековечены в названиях улиц, площадей и прочей топонимике. В 1994 г. произошло переименование московской Каляевской улицы, названной в честь эсера-террориста, убийцы великого князя Сергея Александровича. Теперь эта улица называется Долгоруковской. Правда, до сих пор станция метро «Войковская», названная именем убитого советского полпреда в Польше, бывшего террориста, носит свое название, несмотря на многочисленные протесты москвичей.

Великие выпускники Московского университета Огарев и Герцен не запятнали себя такими преступлениями, как теракты, тем не менее улица Герцена, которая примыкает к старому зданию Мос-

⁴ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения: в 2 т. – М., 1956. – Т. II. – С. 30.

⁵ Литературное наследство / под ред. М. Б. Храпченко, В. Р. Щербины. – Т. 96. Герцен и Запад. – М., 1985. – С. 554.

ковского университета на Моховой улице, переименована в Большую Никитскую. А улица Огарева, которая также примыкает к Московскому университету, переименована в безликий Газетный переулок. Только памятники Герцену и Огареву по-прежнему стоят на своих местах у старого здания Московского университета в сквере на Моховой...

К счастью, традиции огаревоведения сохраняются и сегодня: у главного корпуса Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева стоит прекрасный памятник мыслителю. Здесь работал лидер огаревоведения⁶ доктор филологических наук Семен Семенович Конкин, и здесь продолжают выходить ценные монографические исследования, посвященные этому деятелю освободительного движения. Хотелось бы вспомнить также одного из моих университетских учителей, доцента философского факультета Московского университета Николая Григорьевича Тараканова, автора единственной до сих пор историко-философской монографии об Огареве⁷. Николай Григорьевич был одним из инициаторов и участников перезахоронения праха Огарева в 1966 году из Гринвича (Великобритания) на московском Новодевичьем кладбище.

Новые ценные, в том числе архивные, материалы об Огареве – освободителе крепостных крестьян содержит изданная в 2008 г. в Саранске монография Сергея Борисовича Бахмутова. Став наследником больших помещичьих владений, Огарев на деле осуществил в них впервые в России крупную социально-экономическую реформу, превратив в «вольных хлебопашцев» около двух тысяч крепостных крестьян. Причем это произошло за 20 лет до Положения 19 февраля 1861 года! Таким образом, Огарев стал не только теоретиком, но и практическим реформатором-освободителем, в отличие от тех просвещенных помещиков, кто клеймил позором, подобно П. Я. Чаадаеву, «крепостное рабство», но продолжал су-

⁶ Конкин С. С. Николай Огарев: Жизнь, идейно-творческие искания, борьба. – Саранск, 1975; 2-е изд, испр., доп. – Саранск, 1982; Он же. Некоторые итоги и задачи изучения творческого наследия Н. П. Огарева // Проблемы творчества Н. П. Огарева. Межвуз. тематич. сб. науч. трудов. – Саранск, 1980; Материалы к библиографии произведений Огарева и литературы о нем (1917–1949). Библиографический указатель / сост. Л. И. Янькин и др. – Саранск, 1991; Н. П. Огарев в новых документах и иллюстрациях. – Саранск, 1999; Бахмутов С. Б. Староакшинские помещики. – Саранск, 2008.

⁷ Тараканов Н. Г. Н. П. Огарев. Эволюция философских взглядов. – М.: Изд-во МГУ, 1974.

ществовать за счет своих крепостных крестьян. С. Б. Бахмутов показал, что реформаторство Огарева было не эксцентричной выходкой, а успешной экономической акцией, по крайней мере в отношении вышедших на свободу крестьян села Верхний Белоомут.

Эти крестьяне сохранили благодарную память о своем помещике-освободителе. Узнав о кончине Огарева в Гринвиче, белоомутские крестьяне в 1877 г. собрались на сельский сход, который принял следующее трогательное единогласное решение: «Принимая во внимание все оказанные им нашему обществу неизгладимые на памяти благодеяния, как в бытность крепостного права, так и при отпуске на волю в свободные хлебопашцы, в числе 1820 душ со всеми угодьями, состоящими при нашем селе, за соразмерную без отягощения нас сумму, единогласно положили: дабы почтить память нами незабвенного и любимого нашего бывшего помещика Николая Платоновича Огарева, с сего года учредить, отныне на все времена, в день смерти его 31 мая каждогодно в воскресный день, ближайший к тому числу, творить о упокоении души его и родителей его поминовение в церкви чрез священнослужителей службою соборною панихиды, и кроме того ежедневно иметь поминовение души его с родителями...»⁸ Обращает на себя внимание признание крестьянами легкости выкупа и буквально религиозное почитание памяти о помещике-освободителе. В числе мероприятий по увековечению памяти Огарева было сооружение в Преображенской церкви села Верхний Белоомут придела Николая Угодника. Именем Огарева были названы две улицы – Большая и Малая Огаревские, а также школа и библиотека⁹.

Сегодня поступок Огарева – освободителя своих крепостных крестьян является примером высоконравственного поведения человека, тяготившегося своим богатством на фоне бедственного и несвободного положения народного большинства. Подобное поведение было в истории России не редкостью. Вспомним благотворителей Третьяковых, Рябушинских, Мамонтовых, Морозовых... Особую роль в истории отечественной философской мысли сыграла Маргарита Кирилловна Морозова, известная меценатка, основательница книгоиздательства «Путь», финансировавшая публикации отечест-

⁸ Бахмутов С. Б. Указ. соч. – С. 76.

⁹ Там же.

венных мыслителей, а также издание журнала «Вопросы философии и психологии». Поступок Огарева – крестьянского освободителя является ярким примером отечественного благотворительства, он мог бы служить и сегодня примером подражания для нынешних сверх-богатых людей, ведь уровень поляризации богатства в нынешней России исключительно велик, а случаи радения о просвещении и народной пользе со стороны богатых людей весьма редки.

Освободительные идеи Огарева, его философия свободы, возникли в атмосфере «философского пробуждения» 30–40-х гг. XIX в. Об этом свидетельствуют строки его стихотворения «Свобода», адресованного Искандеру:

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном,
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:

Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый,
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Зывать громогласно заветное слово:

Свобода! Свобода!¹⁰

Н. П. Огарев принадлежал к числу тех мыслителей, кто формировал русское философское пробуждение 30–40-х гг. XIX в., ставшее настоящей идейной основой для освободительного движения. Характерной особенностью индивидуального философского развития Огарева были чрезвычайная насыщенность, можно сказать, идейная плотность и широкий диапазон испытанных им влияний. Здесь мы не видим какой-либо последовательной эволюции от одних идей к другим, но видим, как идеи совмещались друг с другом, переплетались, подвергались сомнению, воспринимались не только разумом, но и чувством, оценивались не только рационально, но и эстетически.

¹⁰ Цит. по: Тараканов Н. Г. Указ. соч. – С. 4.

Первоначальное влияние, которое испытал Огарев, – это немецкий романтизм, первая его публикация посвящена переводу фрагмента «Философии истории» Ф. Шлегеля под названием «Сравнительное представление всеобщей пирамиды языков» (журнал «Телескоп», ч. 4, № 15, 1831 г.). К этому надо прибавить увлечение поэзией, которое осталось у Огарева на всю жизнь. В письме Герцену от 29 июля 1833 года он пишет: «Чувствуешь ли всю высоту, всю необъятность этого слова: *поэзия*? Ей одной предан я; она – моя жизнь, моя наука... Она – моя философия, моя политика»¹¹. Многие современники Огарева отмечали поэтичность его личности. И. И. Панаев писал: «Огарев принадлежал к тем мягким, кротким, созерцательным и вместе чувственным натурам, которых обыкновенно называют поэтическими»¹².

Но наряду с преданностью поэзии Н. П. Огарев констатирует свое увлечение трансцендентальным идеализмом Ф. Шеллинга, а также и социализмом: «Первая идея, которая запала в нашу голову, когда мы были ребятами, – это социализм»¹³. Но вскоре после этого Огарев, как и многие «люди 40-х годов», поддается тому всеобщему увлечению философией Г. В. Ф. Гегеля, о котором у Козьмы Пруткова сказано:

В тарантасе, в телеге ли
Еду ночью из Брянска я,
Все о нем, все о Гегеле
Моя дума дворянская¹⁴.

Однако судьба живой человеческой личности, которая у Гегеля отдана в жертву Всеобщему (Allgemeinen), заставляет Огарева задуматься над имперсональностью абсолютного идеализма, что выражено в следующих стихотворных строках:

Ужель и вправду нам осталось
Одно лишь только, чтоб душа
Im Allgemeinen затерялась,
Для жизни личной не дыша!¹⁵

¹¹ Огарев Н. П. Указ. соч. – С. 264.

¹² Панаев И. И. Литературные воспоминания. – М., 1988. – С. 310.

¹³ Огарев Н. П. Указ. соч. – С. 306.

¹⁴ Чижевский Д. И. Гегель в России. – СПб., 2007. – С. 245.

¹⁵ Чижевский Д. И. Указ. соч. – С. 248.

Впоследствии Огарев объяснял, вполне в духе романтизма, что увлечение гегелевской философией он оставил ввиду ее сухости, отсутствия в ней идеи любви. В противоположность сухому теоретизированию Огарев разделяет иное понимание философии как искусства, поэзии мысли: «Философия – это поэзия ума, великая, всеобъемлющая, и философу как поэту нужно вдохновение; Декарт и Шиллер, Гёте и Спиноза равно поэты»¹⁶. Обращение Огарева к идеям социализма, первоначально в форме сен-симонизма, было так же, как у Белинского, расставанием с «философским колпаком» Гегеля и обращением к идее личности и ее судьбе, это антропологическое, а не экономическое или политическое, тем более не революционное обоснование идеи социализма. Оно весьма напоминает идеи немецкого левого гегельянства, на что указывал в свое время Д. И. Чижевский, автор классического исследования «Гегель в России».

В итоге оригинальность взглядов Огарева определялась не его чуткостью к заимствованию гегелевских или иных западных идей, а выдвиганием в центр его размышлений проблемы России и проблемы национального в широком смысле слова. На примере творчества Огарева ясно видно, что тот вариант философского романтизма, с которого начиналось его философское развитие, отнюдь не является антиподом философии просветительского типа. Здесь прослеживается отличие его воззрений от немецкого романтизма, который имел отчетливую контрпросветительскую направленность.

Н. П. Огарев был одновременно романтик и просветитель, его мировоззрение отличается синкретическим характером. В данном случае идейное развитие Огарева подтверждает свойственную русской мысли особенность, которая заключается в совмещении и наложении разнородных идей и концепций, которые в западной традиции выглядят как конкурирующие и последовательно сменяющие друг друга. Например, в немецкой традиции гегельянство и романтизм выступают как антиподы и идейные конкуренты. А в России они выступают в едином синтезе, причем это синтез литературно-философский, включающий и философию, и художественную литературу. Самым ярким примером такого синтетизма

¹⁶ Тараканов Н. Г. Указ. соч. – С. 63.

и синкретизма является творчество А. С. Пушкина, свободно сочетающее в себе начала и романтизма, и сентиментализма, и классицизма, тогда как на Западе это явления отдельные и соперничающие между собой¹⁷.

Философия и поэзия Огарева также является продуктом разнообразных воздействий. По собственному признанию Огарева, его мировоззрение сложилось под тремя влияниями, которые он считал «очень родственными между собою». Вот они: «...идеальный Шиллер, идеальный Руссо, юношеское движение 14-го декабря»¹⁸.

Огарев указывает на естественное право человека быть свободным, при этом же указывает на то, что «человек всюду в оковах» (по Ж. Ж. Руссо) и «...протест 14-го декабря подтвердил этот факт». Очевидно, что идеологию декабристов Огарев считает не чем иным, как продолжением и применением на практике идей Руссо, то есть считает их идеями просветительского типа, подобными идеям французского Просвещения. Хотя, разумеется, декабризм был не единой доктриной, а совокупностью самых разнообразных мнений, мыслей и понятий. Характерно, что поначалу Огарева привлекали не просветительские, а теистические воззрения ссыльных декабристов, с которыми он познакомился в Пятигорске в 1838 г. На минеральных водах он подружился с декабристом А. И. Одоевским и получил от него книгу «О подражании Христу». Однако впоследствии его интересует другое содержание декабризма, а именно то, что декабристы первыми в России XIX в. поняли необходимость утверждения в России национальной идеи, способной объединить все сословия и создать основу для ее культурного и экономического роста. Подобно декабристам, Огарев считал центральным для русской национальной идеи справедливое решение крестьянского вопроса, причем утверждал в качестве «краеугольного камня настоящей русской свободы» возможность человека «иметь **землю** для безбедного приюта, **волю** для того, чтобы жить, где хочет, управляться и судиться своими выборными людьми, и **веру** иметь по совести»¹⁹.

¹⁷ Универсализм пушкинского гения рассматривается в недавней публикации журнала «Философия и общество»: Гобозов И. А. Пушкин – универсальный гений // Философия и общество. – 2012. – № 3(67). – С. 5–20.

¹⁸ Огарев Н. П. Указ. соч. – С. 23.

¹⁹ Там же. – С. 133.

Последнее высказывание следует оценить как декларацию программы-минимум освободительного движения, имеющую ярко выраженную демократическую, но отнюдь не революционную коннотацию, что входит в противоречие с тем стереотипным представлением об Огареве – революционере-демократе, которое господствовало в советскую эпоху. Следует обратить внимание также на то, что, по мнению Огарева, «личность в общине, т. е. *коллективности* (пожалуй, назовем «социализме». – М. М.)»²⁰ должна определяться таким образом, чтобы не «погубить *свободу*», иначе все придет «к повторению старых общественных устройств». Тех «устройств», которые «складываются только в действительном деспотизме или в театральном представлении свободных учреждений, которые в сущности равны тому же деспотизму, прикрытому разными игрушечками избирательства, парламентаризма и пр.»²¹.

Социальный идеал Огарева не был связан с обоснованием какой-либо доктринальной версии социализма. В поэтической форме этот идеал выражен Огаревым следующим образом:

Но вы поймите, что моя мечта –
Уравновесие отдельных жизней,
Где сила всех была бы развита
И сила каждая не в тяжесть ближней.
Поймите: только с этою основой
Для мира общины, для жизни новой
Наступит век, понятия изменяя,
И нравственность становится живая²².

Защитник индивидуальной и народной свободы, Огарев в своей личной жизни был несвободен: оба его брака, с М. Л. Рославлевой и Н. А. Тучковой-Огаревой, сложились несчастливо. Личная судьба поэта и философа была трагична. По доносу отца первой жены, обвинявшего его в создании «коммунистической секты», он был посажен в тюрьму, в 1853 г. сгорела построенная им Тальская фабрика, его преследовали различные финансовые тяготы. В 1870 г., незадолго до смерти А. И. Герцена, Н. П. Огарев попал под влияние

²⁰ Огарев Н. П. Указ. соч. – С. 195.

²¹ Там же.

²² Там же. – С. 187.

демонической личности С. Г. Нечаева, добивался получения им средств из Бахметьевского фонда, которым распорядился А. И. Герцен. В это время проявились анархистские (под влиянием М. А. Бакунина) и бланкистские (под влиянием С. Г. Нечаева) воззрения Огарева.

Имя Николая Платоновича Огарева навсегда останется в ряду тех исторических личностей, кто боролся за проведение великой реформы и непосредственно ее осуществлял, наряду с именами Александра Ивановича Герцена, Николая Гавриловича Чернышевского, Николая Алексеевича Милютин, Якова Ивановича Ростовцева, Константина Дмитриевича Кавелина, Юрия Федоровича Самарина, Алексея Михайловича Унковского, Алексея Адриановича Головачева, великого князя Константина Николаевича и, наконец, царя-освободителя Александра II. Эти исторические личности – освободители крестьянства – в среде русской интеллигенции XIX в. особо почитались. Юбилей Николая Платоновича Огарева – лучший повод для сохранения памяти о нем – романтике освободительного движения, если мы действительно нуждаемся в сохранении духовных скреп нашего национального сознания.